

М. А. Балышев

ЗВЕЗДА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ВЕЛИЧИНЫ БОРИС ПЕТРОВИЧ ГЕРАСИМОВИЧ

Выдающийся ученый, великолепный астрофизик-теоретик и практик-наблюдатель, уже в 20-е годы XX века известный своими работами (в СССР и за рубежом), член ведущих международных и национальных астрономических обществ (Германского, Французского и Американского астрономических обществ, Королевского астрономического общества в Лондоне, Американской ассоциации наблюдателей переменных звезд, Американского географического общества) [13, с. 59] июньским утром 1937 года, находясь в расцвете творческих сил, навсегда исчез для всего научного мира, коллег и семьи, и на долгие годы его судьбу скрыла пелена неизвестности.

Конец 80-х годов XX века принес свежий ветер перемен, который разворошил старые страницы истории и приподнял занавес тайны над теми страшными 30-ми.

В 1989 году — при подготовке к торжественному празднованию 150-летия основания Пулковской обсерватории — «заполнялись» «белые пятна» в жизни обсерватории, и руководство Пулковской обсерватории в лице Председателя комиссии по подготовке к юбилею академика В. К. Абалякина обратилось в Управление Комитета государственной безопасности СССР по Ленинградской области с запросом о судьбах пулковских астрономов, аресто-

Б. П. Герасимович — директор Пулковской обсерватории. 1936 год

ванных органами безопасности в конце 30-х годов XX века. В предоставленной КГБ СССР справке за подписью заместителя начальника УКГБ СССР по Ленинградской области В. Н. Блеера сообщалось следующее: «На Ваш запрос № 1122-36/1-6763 от 12.01.1989 года сообщаем, во второй половине 1936 — первой половине 1937 года Управлением НКВД по Ленинградской области по подозрению в «участии в фашистской троцкистско-зиновьевской террористической организации, возникшей в 1932 году по инициативе германских разведывательных органов и ставившей своей целью свержение Советской власти и установление на территории СССР фашистской диктатуры», была арестована большая группа ведущих ученых, научных работников и специалистов различных научных организаций, учебных заведений и предприятий, в т. ч. и в Пулковской обсерватории, а всего свыше 100 человек.

Из числа сотрудников Пулковской обсерватории были арестованы: Герасимович Борис Петрович, 19 марта 1889 года рождения, русский, гражданин СССР, уроженец г. Кременчуг, бывшей Полтавской губернии. Образование высшее — в 1914 году окончил Харьковский университет. Директор Главной Астрономической обсерватории с 1933 года. Арестован 28 июня 1937 года. Выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР в закрытом заседании в Ленинграде 30 ноября 1937 года признан виновным в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 6, 7, 8 и 11 УК РСФСР и приговорен к ВМН — расстрелу с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение в Ленинграде 30 ноября 1937 г.

28 января 1938 года Особым Совещанием при НКВД СССР как член семьи изменника родины была осуждена на 8 лет ИТЛ жена — Герасимович Ольга Михайловна. Содержалась в Воркуто-Печорском исправительно-трудовом лагере. После освобождения проживала в с. Партизанское,

в Крымской Астрофизической обсерватории АН СССР...» [26, с. 482].

Волна репрессий захлестнула в те годы страну, советскую науку, в том числе и астрономию, многие имена были надолго вычеркнуты из ее истории. Кроме сотрудников Пулковской обсерватории, репрессиям подверглись сотрудники Астрономического института (ныне — Институт теоретической астрономии), где одним из

Бахчиса-райского района, Крымской области и работала было четверо детей (два его старших брата и сестра), оказалась в очень тяжелом материальном положении. В 1899 году Б. Герасимович поступает в Полтавскую гимназию, обучение в которой растянулось на долгие 10 лет: в 1906 году Бориса Петровича в семнадцатилетнем возрасте исключили из последнего класса гимназии (без права поступления в другие учебные заведения) за участие в революционных волнениях (в это время он был активным членом партии социалистов-революционеров (эсеров), за что четырежды подвергался арестам и провел в общей сложности два года в тюремных застенках и высылке.

Волна репрессий захлестнула в 30-е годы страну, советскую науку, в том числе и астрономию, многие имена были надолго вычеркнуты из ее истории

первых был арестован его директор Б. В. Нумеров (расстрелян в 1941 г.) [5, с. 216]; ученые Ленинградского университета и Естественно-научного института им. П. Ф. Лесгафта. Уцелел только директор последнего Н. А. Морозов. Его, революционера, лично знавшего Карла Маркса и Фридриха Энгельса и проведенного в одиночном заключении в Шлиссельбургской крепости (на Ореховом острове, Ладожское озеро) около 30 лет, абсолютно невозможно было признать «врагом народа»: в это никто бы не поверил [22, с. 144].

* * *

Родился Борис Петрович Герасимович 19 (31) марта 1889 года в Кременчуге Полтавской губернии. После смерти отца (директора уездной больницы) в 1892 году семья, в которой

В 1909 году ему удается сдать экзамены экстерном и, уже имея на руках аттестат зрелости, в 1910 году Герасимович становится студентом физико-математического факультета Харьковского университета [13, с. 46].

Под руководством профессора Людвиг Оттоновича Струве Герасимович добивается значительных успехов на избранном поприще — астрономии и, по словам профессора Струве, становится его «вторым лучшим студентом» (после В. Г. Фесенкова) за все время его педагогической деятельности в Харьковском университете [29, с. 380]. Уже студентом второго курса Герасимович удостоивается премии им. А. Ф. Павловского за исследовательскую работу «Абerrация света и теория относительности» (опубликованную в «Известиях

Observatoire Central

Poulkovo, près de Leningrad

..... 19.....
N.....

any possibility of getting them? To avoid expenses they can be sent to the Smithsonian Institution's Library Exchange Bureau. The wanted publications are as follows:

Link Public. 7, 10, 12, 13, and 14 part 1.

Link Bull. Volumes : to 5 and № 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284.

I thank you very much for retaining my name on your distribution list, informing you on the change in my address according to this letterhead. I apologise for troubling you with so many requests and ask you to give my best compliments and slightly premature Christmas greetings to Mrs Aikens and to Miss Young. How I can say to your niece much more about Russia, if she still is interesting in my country.

Sincerely yours

M. P. Gerasimovic.

Director

November 13 1933.

S. G. Bulb. recd
Dec. 12, 1933
Miss Smith. Friedl.

Фрагмент письма Б. П. Герасимовича директору Ликской обсерватории Д. Мензелу. 1933 год. (Личный архив автора. Копия. Публикуется впервые)

Русского астрономического общества», 1912 г. и французском научном журнале «Bulletin Astronomique», 1914 г.) [15, с. 254].

После окончания Герасимовичем полного университетского курса Людвиг Струве сделал все, чтобы благоприятно повлиять на судьбу талантливого ученика: Борис Петрович был оставлен в университете для приготовления к профессорскому званию (1914–1917 гг.) [12]; Струве попытался направить Б. Герасимовича для продолжения обучения за границу, но эта попытка потерпела неудачу — полиция отказала в выдаче Герасимовичу заграничного выездного паспорта как «неблагонадежному»: сказывалось его «социалистическое» прошлое. Тогда в 1916 году профессор Струве

отправляет Герасимовича в Пулково, где тот проходит стажировку у авторитетнейших ученых-астрономов А. А. Белопольского и С. К. Костинского: так состоялось первое знакомство Бориса Петровича с Пулковской обсерваторией [19, с. 82].

В 1917 году по возвращении из Пулковской обсерватории в Харьковский университет Герасимович успешно сдает магистерские экзамены и становится приват-доцентом [12]. В это же время его знакомство с сыном своего наставника — Отто Струве, впоследствии известнейшим американским ученым-астрономом, и другим, будущим (тоже американским) астрономом Николаем Бобровниковым, тогда студентами уже самого Бориса Петровича на физико-математическом фа-

культете Харьковского университета, перерастает в крепкую дружбу. Вероятно, это знакомство впоследствии сыграет не последнюю фатальную роль в судьбе Бориса Петровича.

С ноября 1920 года Герасимович совмещает преподавательскую деятельность (читает курсы астрономии, механики, аэродинамики) с должностью старшего астронома Харьковской университетской обсерватории [12]; с 1922 года, уже в Харьковском Институте народного образования (ХИНО), Герасимович возглавляет сектор астрономической астрономической кафедры. Одновременно Борис Петрович состоит профессором Харьковского Технологического института (до 1925 г.); в 1922–1926 годах занимает профессорскую должность в Харьковском Геодезическом институте. С 1929 года руководит кафедрой теоретической механики в ХИНО и, одновременно, является действительным членом (новое должностное звание в советской науке взамен профессорского) Украинского Физико-химико-математического института (1929–1934 гг.) [13, с. 48]. Научно-преподавательскую деятельность Борис Петрович сочетал с общественной работой: к этому времени он занимал пост заместителя председателя секции науки Госплана УССР (1930 г.); Герасимович был членом Президиума Харьковского дома ученых (1924–1931 гг.) [14, с. 36].

Приглашением в Пулково заведовать создаваемым Астрофизическим сектором завершается харьковский период в жизни ученого, но именно в это время его научные работы получили известность и высокую оценку за рубежом, появились приглашения к сотрудничеству и длительные заграничные командировки: в 1924 году Герасимович провел три месяца в научных изысканиях (командированный Наркомпросом УССР) в Великобритании и Франции; в 1926 году — в Копенгагене, он выступает с докладом на съезде Astronomische Gesellschaft (Германское астрономическое общество, одно из первых междуна-

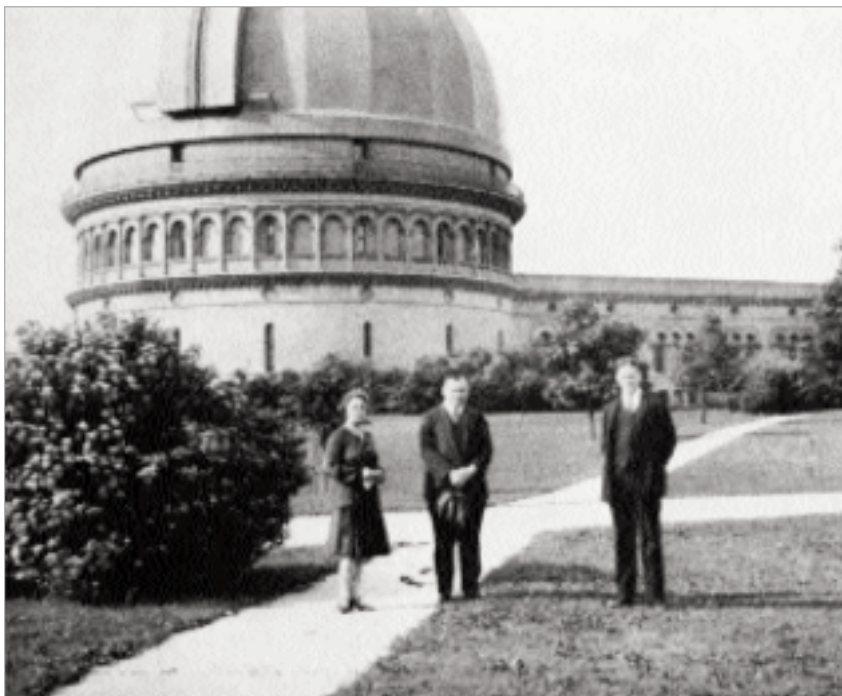
родных астрономических объединений), куда был командирован из Харьковской обсерватории вместе с Н. Н. Евдокимовым [24, с. 510]. На этом заседании АГ Герасимович знакомится с известным американским астрономом Харлоу Шепли (в то время возглавлявшим Гарвардскую обсерваторию) и по его приглашению с лета 1926 года по 1929 год временно работает в этом ведущем мировом научном центре. В 1929 году Х. Шепли опубликовал очередную книгу хрестоматии по философии и естественным наукам (из серии, начатой еще в 1924 г.) — астрономический том (сборник фрагментов из сочинений 65 крупнейших ученых XVII—XIX ст.), и в предисловии к изданию он выразил особую признательность за оказанную помощь и практические советы при подготовке данного тома двум иностранным ученым, работавшим в то время в Гарвардской обсерватории по его персональному приглашению. Одним из них был Борис Герасимович [16, с. 314].

За время пребывания в Соединенных Штатах Герасимович посетил

(г. Маунт-Гамильтон, Калифорния) обсерватории, где встретился со своими знакомыми русско-американскими коллегами — Отто Людвиговичем Струве и Николаем Федоровичем Бобровниковым, первый из которых к этому времени в звании доцента преподавал в Чикагском университете и работал в Йеркской обсерватории, второй, только получив докторскую степень (Ph. D.) в том же университете, был ассистентом в Ликской обсерватории. (Справедливости ради необходимо уточнить, что и Струве, и Бобровников не по своей воле покинули Россию: оба сочли для себя невозможным принять революционные перемены, были мобилизованы в Добровольческую армию генерала А. И. Деникина, принимали активное участие в военных действиях против большевиков и вместе с отступающей Белой армией оказались в эмиграции —

крупнейшие Йеркскую (г. Вильямс-Бей, Висконсин) и Ликскую

За время пребывания в Соединенных Штатах Герасимович посетил крупнейшие Йеркскую и Ликскую обсерватории, где встретился со своими знакомыми русско-американскими коллегами — Отто Струве и Николаем

Посещение Йеркской обсерватории. Слева направо: О. М. Герасимович, Б. П. Герасимович и О. Л. Струве. 1928 год

О. Струве в военном лагере Галлиполи, в Турции, и уже оттуда приехал в Соединенные Штаты в 1921 году [4], а Н. Бобровников был вывезен английским военным транспортом сначала на о. Кипр, а позже переехал в Чехию и с 1924 года также поселился в США) [28, с. 93].

Основными творческими успехами, достигнутыми за время пребывания Бориса Петровича в Соединенных Штатах, стали несколько совместно выполненных с американскими коллегами работ, которые принесли Герасимовичу уже мировую известность: в 1928 году вместе с Доналдом Мензелом Герасимович выполняет важную работу, посвященную источникам звездной энергии («Subatomic Energy and Stellar Radiation»¹). В этом же году перспективная работа была отмечена международной премией им. А. Кресси-Моррисона Нью-Йоркской академии наук. В 1929 году, совместно с Отто Струве, появ-

¹ Работа опубликована в «Publications of the Astronomical Society of the Pacific», vol. 41.— 1929.— P. 79—145.

Miss Powell
Lab. vol 13,
Астрономическая Обсерватория
Харьковского Университета
Gerasimovich
1922
asm.
write
Sir!
I am engaged presently in theoretical investigations about the question of distribution of rotations within of gas-nebulae. Using the hydrodynamical method, I want necessarily spectrographic data; but from the labor I possess only four papers previous to 1917. From that time you have certainly added very much to the investigation of this question. I dare ask you see your papers (1917-1922) about the question and make my pardon for disturbing you, in consideration of our exceptionally conditions.
No 22. Prof. B. Gerasimovich.
Kharkov. Russia
Astronomical observatory.

Из переписки Б. П. Герасимовича с иностранными учеными. 1922 год.
(Личный архив автора. Копия. Публикуется впервые)

ляется новая работа Герасимовича («Physical properties of a gaseous substratum in the Galaxy»²), в которой ученые рассмотрели физические условия в межзвездном газе и образование в нем линий поглощения,— работа, которая произвела немало шума в астрономическом мире, потому что являлась пионерской в исследуемой области, а совершенные в ней открытия послужили толчком для развития целого нового раздела в астрофизике (о межзвездном газе и пыли) [19, с. 82].

Здесь, по-видимому, необходимо отметить, что премия Нью-Йоркской академии наук была не первой и не стала последней в научной биографии ученого: после премии им. А. Ф. Павловского, присужденной Герасимовичу за студенческую работу (о чем уже упоминалось), он дважды становился лауреатом государственных премий Главнауки Украины (в 1922 и 1926 годах); в 1934 году работы Бориса Петровича были удостоены премии Французского астрономического общества [13, с. 50].

В 1932 году Герасимович опять едет в США, в Кембридж, где принимает участие в работе IV съезда Международного астрономического союза (МАС) в качестве представителя советской делегации.

Последней заграничной командировкой Бориса Петровича стала поездка во Францию в июле 1935 года для участия в заседаниях Парижской ассамблеи МАС совместно с ведущими советскими учеными В. Г. Фесенковым и Г. А. Шайном (как раз на этом заседании было подтверждено официальное вступление Советского Союза в МАС).

Пулковский период в жизни Бориса Петровича начался в феврале 1931 года, когда тогдашний директор обсерватории А. Д. Дрозд пригласил перспективного харьковского астронома на должность заведующего Астрофизическим сектором. В обсерватории тем временем шли большие кадровые перестановки, вместо отделов введены сектора (собственно, один из которых и возглавил Герасимович). В течение полутора лет Дрозд передвигает сотрудников с места на место и неожиданно переводит Герасимовича на весьма неопределенное положение, которое в Пулкове традиционно называлось «сверхштатным консультантом» [21, с. 448]. Увольнение? Герасимович, отстаивая свои права, жалуется в Главнауку и добивается распоряжения из Москвы о своем восстановлении в должности, но Дрозд отказывается изменить свое решение. Из Москвы прибывает комиссия, разбирается на месте в создавшейся ситуации, и уже в 1933 году, на январском заседании комиссии, принимаются основные кадровые решения по штатному составу Пулковской обсерватории: А. Д. Дрозд освобожден от занимаемой должности, начинается почти полугодовой период безвластия, в течение которого обязанности директора обсерватории исполнял Н. И. Днепровский [18, с. 31], поэтому официальное назначение на заме-

² Работа опубликована в «Astrophysical Journal», vol. 69.— 1929.— P. 7-33.

щение директорской должности для многих стало несколько неожиданным — 27 мая 1933 года Борис Герасимович становится директором Пулковской, а в то время Главной астрономической обсерватории (ГАО) [14, с. 36].

В декабре 1934 года, в связи с восстановлением (с января 1934 г.) отмененных после революции ученых степеней и званий, Борису Петровичу, без защиты диссертации, присвоена степень доктора физико-математических наук [13, с. 54].

Герасимович стал третьим директором-астрофизиком Пулковской обсерватории (после Ф. А. Бредихина (1890–1895 гг.) и А. А. Белопольского (1916–1919 гг.)) [20, с. 34]. Одним из первых официальных действий начинающего директора стало заявление, что «Пулковская обсерватория утратила то первенствующее мировое значение, которое она имела во второй половине прошлого (читай XIX) века» с указанием на «необходимость возвращения ей прежней ведущей роли», для чего, по его мнению, было необходимо вывести на мировой уровень астрофизические направления исследований (хотя и не оставляя в стороне традиционные) [15, с. 257].

Борис Петрович активно публикует статьи в научных астрономических изданиях, конкретно указывая на существующие насущные проблемы: «Недостатки подготовки астрономических кадров почти самоочевидны... Плохо обстоит дело с общим воспитанием аспирантов... для борьбы с нашим «провинциализмом», для укрепления нашей научной работы необходимы заграничные командировки как руководителей институтов, так и отдельных работников, в особенности молодых» [8, с. 4]. (Летом 1937-го Борису Петровичу «припомнят» его «астропровинциализм», только в несколько извращенном виде — как одно из предъявленных ему обвинений).

Параллельно с научными Герасимович решает административные во-

просьбы, в первую очередь связанные с переходом Пулковской обсерватории в систему Академии наук СССР и соответственно выходом обсерватории из системы Наркомпроса, в которой она находилась еще с 1919 года. Испытывая трудности с решением практических вопросов, Герасимович выступает с острой критикой на страницах газеты «Правда», где пишет: «Значение астрономии всем известно. Как же заботится Наркомпрос о крупнейшем научном учреждении Союза — Пулковской обсерватории? Плохо. Здания давно не ремонтировались, потолки протекают. Нет заботы и о материальном и культурно-бытовом обслуживании работников. Мы нуждаемся в крупных инструментах с применением по-

провел три года: «Гарвардская обсерватория — это живое бурно растущее рабочее настоящее... Вместо музейного духа Парижской обсерватории, спокойствия хорошо налаженной канцелярии Гринвича, вы попадаете в атмосферу напряженной, хотя и неторопливой работы живого организма, работающего почти с фабричной четкостью...» [9, с. 145]. «Директор — крупнейший современный ученый и истинный вдохновитель работ Обсерватории — является ее моральным главою, авторитету которого охотно подчиняется всякий. Этот авторитет вовсе не подавляет молодых работников; наоборот, постоянное общение с директором носит живой и дружеский характер, укрепляющий молодые умы, толкающий вперед, а не назад...» [9, с. 155]. Именно так, еще в 1931 году, пока были свежи впечатления от Америки, Борису Петровичу хотелось увидеть работу Пул-

27 мая 1933 года Борис Герасимович становится директором Пулковской, а в то время Главной астрономической обсерватории (ГАО)

вых физических методов исследования... на одном энтузиазме работников базироваться невозможно» [6]. К августу 1934 года острый вопрос был практически снят, а после возвращения Пулковской обсерватории в систему Академии наук Герасимович предложил (а Президиум АН утвердил) обширный план реорганизации научной работы в обсерватории. Но Герасимович не только вводил новые темы исследований, но и предлагал принципиально новую организацию труда, ориентируясь на уровень Гарвардской обсерватории, где он

Пулковской обсерватории, но подобные изменения, даже на посту директора обсерватории, ему так и не удалось воплотить в жизнь.

* * *

Научное наследие Бориса Петровича насчитывает более 170 статей и монографию «Физика солнца» [10]. Около половины всех работ написаны по итогам исследований, проведенных (и собственно опубликованных) в США, за время его пребывания в Гарвардской обсерватории. Языковой барьер не стал помехой для Бориса Петровича, который был

в некоторой степени полиглотом: кроме английского языка, свои статьи Герасимович писал в немецкие и французские журналы, естественно, на языках изданий.

Особое же место в научной биографии Бориса Петровича занимает широко известный в астрономических кругах «Курс астрофизики и звездной астрономии», созданный в середине 30-х годов коллективом авторов (В. А. Амбарцумян, И. А. Балановский, А. А. Белополюский, Н. А. Козырев, С. К. Костинский, Е. Я. Перепелкин, Г. А. Шайн, В. Г. Фесенков) [3] под общим руководством Герасимовича, на котором было воспитано не одно поколение астрофизиков СССР. «Его голубые переплеты, укрывающие страницы с изложением глубоких идей строения звезд и галактик, результатов постижения тайн и переменности блеска, стали вечным памятником тому, кто был инициатором издания этого отечественного астрофизического настольного руководства — профессору Борису Петровичу Герасимовичу», — писал спустя 50 лет его преемник на посту директора Пулковской обсерватории академик В. К. Абалакин [1, с. 252].

Борис Петрович имел веские основания для выделения этого научного труда в своем творчестве: большая часть — 9 из 12 глав основного (второго) тома, посвященного астрофизи-

ке и звездной астрономии, — непосредственно подготовлена Борисом Петровичем (результаты его собственных научных наблюдений) [13, с. 57].

* * *

В середине 30-х годов почти все научные астрономические силы в СССР были задействованы в подготовке исключительной важности мероприятия, вошедшего в историю астрономии как «большое советское затмение» [15, с. 289]. В 1936 году ожидалось уникальное событие — полное солнечное затмение (19 июня 1936 года) с полосой полной фазы от Кавказа до Тихого океана (т. е. непосредственно над всей территорией Советского Союза). Уже в 1934 году начинается активная работа по подготовке к проведению наблюдений: основная нагрузка легла на плечи астрономов Пулкова. Начиная с весны 1934 года Борис Петрович вынужден приложить максимальные усилия (было непросто выкроить из научной и администраторской деятельности дополнительное время) для решения финансовых (т. к. требовалось около 50 тыс. рублей) и технических (новое оборудование, организация экспедиций) сложностей (только в 1936 году Герасимович был официально назначен заместителем председателя комиссии по подготовке к изучению полного солнечного затмения при Акаде-

мии наук) [15, с. 289]. А пока, весной 1934 года, Борис Петрович, предвидя сложности, сообщает об этом на страницах центральных газет, переживая о недостатке времени на подготовку: «19 июня 1936 г. произойдет полное солнечное затмение. Оно будет наблюдаться главным образом на советской территории. Ранним утром лунная тень вступит на кавказский берег Черного моря, промчится затем через Северный Кавказ, Западную и Восточную Сибирь и под вечер оставит нас, вступив в Тихий океан... Это затмение должно принести решение ряда важных научных вопросов... При Наркомпросе РСФСР создан специальный комитет по подготовке к затмению. Практически руководство передано Пулковской обсерватории. Разработана весьма интересная программа работ... требующая для своего выполнения постройки ряда инструментов силами нашей промышленности. Для этого нужно время, и его осталось уже не так много. Дальнейшее промедление может самым пагубным образом сказаться на успехе» [7]. В том же 1934 году Борисом Петровичем было подготовлено и проведено несколько предварительных экспедиций, определены места наблюдений, велась переписка с зарубежными астрономами и обсерваториями, изъявившими желание принять участие в наблюдениях (съехалося около 70

Пулковская обсерватория. 1956 год

участников зарубежных астрономических учреждений из 10 стран). Сам Борис Петрович возглавил одну из трех экспедиций ГАО, разместившуюся в районе железнодорожной станции Ак-Булак Оренбургской области. Там между пулковскими и иностранными астрономами завязались теплые дружеские отношения, в том числе и с американской делегацией, разместившейся в том же населенном пункте под руководством доктора Д. Мензела, с которым Герасимович был знаком еще по совместной работе в Гарварде) [24, с. 510]. Огромный организаторский вклад Бориса Петровича по подготовке к наблюдению солнечного затмения был отмечен специальной премией Академии наук СССР (1936 г.) [14, с. 40]. «Большое советское затмение» состоялось...

* * *

Постепенно восстанавливается несколько утраченный авторитет Пулковской обсерватории как «астрономической столицы мира» в связи с возникновением других крупных астрономических учреждений; многие просятся на работу в ГАО, другие — приезжают на стажировку. Вокруг Б. П. Герасимовича сложился крепкий коллектив единомышленников: Г. А. Шайн, Е. Я. Перепелкин, В. Ф. Газе, И. А. Балановский, Н. И. Идельсон, Н. И. Днепровский. Прежде чем принять решение о приеме в штат обсерватории, Герасимович долго присматривался к претенденту (обычно около года: для этого у него даже была разработана целая система). Общая атмосфера в обсерватории (по воспоминаниям старожилов) была весьма демократичной: любое проявление энтузиазма в работе находило понимание и уважение у Бориса Петровича, но вместе с тем Герасимович, поощряя у своих сотрудников самостоятельность в работе, всегда руководствовался принципом «доверяй, но проверяй». В случае неподчинения дисциплине или безответственного отношения к работе Герасимович мог быть резким. Один из старейших сотрудников обсерватории

М. Н. Гневывшев вспоминал: «В обсерваторской библиотеке существовало правило: нельзя было брать новые поступления, находившиеся на выставке. На них нужно было записываться в очередь... Герасимович просматривал журнал записи очередности на новые поступления.

И, в частности, Козырева и Амбарцумяна объединили под названием «Амбары») [21, с. 441]. «Амбары» очень любили разыгрывать, посмеявшись остро, но в общем-то беззлобно, над кем-нибудь из окружающих. Только с Герасимовичем у них все выходило по-иному: они всячески противодействовали директору. Хотя молодые люди, критиковавшие, например, традиционную «пулковскую» кропотливую систему работы по составлению каталогов

Огромный организаторский вклад Бориса Петровича по подготовке к наблюдению солнечного затмения был отмечен специальной премией Академии наук СССР

Иногда он вызывал сотрудника и говорил: «В таком-то журнале появилась статья по тематике Вашей работы, а я не нашел Вашей заявки на этот журнал». После этого следовал такой «разнос», который получать второй раз избегали... Еще пример. Все заседания Ученого совета и все научные доклады, как астрофизические, так и астрометрические происходили в кабинете директора и в его присутствии. В обсерватории не было специального зала, подобного имеющемуся сейчас. Зная тему предстоящего доклада, Герасимович всегда готовился к нему, и горе было докладчику, если он оказывался менее подготовленным, чем директор. При «распеканиях» Герасимович не стеснялся в выражениях, на которые был очень изобретателен» [11, с. 345].

Не сложились у Бориса Петровича лишь отношения с тогдашней обсерваторской молодежью — талантливыми астрофизиками Н. А. Козыревым, В. А. Амбарцумяном и Д. И. Еропкиным (в Пулковке очень любили прозви-

точных положений звезд и предлагавшие свой метод реализации движения современной науки (заклучавшийся в быстрых открытиях, совершенных молодыми учеными), конфликтовали со всем пулковским коллективом, но больше всего от них доставалось директору, иногда «Амбары» совершали совсем не безобидные выходки. Например, молодые ученые, безусловно, шутки ради, сообщили всем обсерваториям, что Герасимович умер, и отовсюду стали поступать соболезнования, которые принимал лично «покойник» [11, с. 347]. Итогом неравной борьбы стало увольнение в 1936 году Еропкина и Козырева из Пулковской обсерватории из-за финансовых нарушений (им удалось получить командировочные для экспедиции на Эльбрус — для наблюдения ночного неба — сразу от нескольких организаций) [11, с. 347]. Годом раньше был уволен Амбарцумян (по собственному признанию Герасимовича, «выжитый» им из обсерватории). Победила зрелость. Но неожиданно для всех эта борьба получила

продолжение в связи с так называемым «делом Воронова», на котором необходимо остановиться подробнее.

В 1935 году из Ташкентской обсерватории в Пулковку прибыл некто Н. М. Воронов, второстепенный в науке молодой сотрудник, к тому же не имевший специального астрономического образования. Руководство Пулковской обсерватории пошло навстречу его просьбе сделать на семинаре вступительный доклад по небесной механике, что и было с блеском проделано Вороновым. Присутствовавшие на заседании авторитетные ученые пришли в восторг — Воронову были сделаны весьма лестные предложения (в том числе Герасимович, лично при-

гласил его на работу в обсерваторию). И Воронов остался в Пулковку. В ускоренном порядке ему присудили степень кандидата наук (без защиты диссертации) и дали всего один год на подготовку докторской. За два года Воронов публикует серию статей («Теория движения планеты Веста», «Теория движения планеты Пандора», др.) [5, с. 219]. Собственно, работа по Весте и принесла Воронову известность, послужила основой для его утверждения в степени кандидата наук и избрания членом Международного астрономического союза. Вскоре на состоявшейся Всесоюзной конференции по небесной механике Н. М. Воронов сделал еще один блестящий доклад.

Коллеги из других обсерваторий стали поздравлять пулковских астрономов с рождением «нового Кеплера» или, по крайней мере, «нового Леверрье» [27, с. 490] (Жан Жозеф Леверрье — один из гениальнейших астрономов XIX ст., указавший своими вычислениями местоположение восьмой планеты Солнечной системы — Нептуна, которая до того не была известна науке). За полтора года Николай Михайлович стал сотрудником ГАО, получил квартиру, кандидатскую степень и вошел в число пятнадцати членов советской делегации МАС (т. е. сразу получил все то, что и не снилось «пулковской молодежи», чем, естественно, личность Воронова, молодого человека, в возрасте немного за двадцать лет), вызывала справедливый гнев Еропкина и «Амбаров») [25, с. 207]. Но случилось то, чего никто не ожидал: в феврале 1936 года скромная сотрудница Пулковской обсерватории В. Ф. Газе, после детальной проверки, нашла значительные расхождения между теориями Воронова и наблюдениями положения планет. Это была катастрофа. Лжеученый был вызван «на ковер» к Герасимовичу, и Борис Петрович потребовал предъявить сами вычисления. Воронов не смог представить реального доказательства своего «труда» и покаялся, что никаких вычислений и наблюдений он не проводил, а все свои формулы «просто списал» с аналогичных теорий движения других планет. «Дело» получило широкую огласку, но выход из создавшегося весьма затруднительного положения был все-таки найден: руководство обсерватории вынудило Воронова опубликовать в печати письмо о том, что он работал с крайним перенапряжением, и потому просит считать свои опубликованные работы недействительными [11, с. 349]. Воронов был уволен, под большим секретом отправлен Герасимовичем в Сталинабад и вскоре лишен степени кандидата наук. Удивительнее всего было то, что слушавшие его доклады крупные ученые, практикующие в данной области, ничего не заметили!

Memorandum

HARVARD COLLEGE OBSERVATORY
CAMBRIDGE, MASSACHUSETTS

Dear Sir!

I have the honor to send you this short note on planetary nebulae, which is inspired by Mr. Leuzer's recent paper in Your magazine. I should be very glad and thankful to see my note printed in December # of "P. A. S. P.". My letter is somewhat delayed, because I had the opportunity to read Mr. Leuzer's paper only some days ago after my arrival. It would be very interesting for me to have in favourable case some copies of my note

Very truly yours

Prof. B. Gerasimovich.

22/31. H. C. obs.

Из переписки Б. П. Герасимовича во время его пребывания в США. 1926 год.
(Личный архив автора. Копия. Публикуется впервые)

Н. И. Идельсон (бывший куратор псевдоученого) подал Герасимовичу заявление об увольнении, но Борис Петрович отказал ему (сам Герасимович также направлял прошение об отставке в Академию наук, но также получил отказ) [14, с. 41]. В прессе активно критикуются пулковские астрономы, активизировались Еропкин и Козырев, которые и обратились в средства массовой информации по поводу справедливого освещения «дела Воронова» (параллельно они подали в суд на восстановление в обсерваторских должностях). В борьбе с молодыми людьми Герасимович использовал все возможности своего авторитета, вплоть до обращения к прокурору СССР А. Я. Вышинскому [25, с. 208], а тем временем в Пулково (в связи с подобным поворотом событий) прибывают комиссии из Москвы (одна за другой: всего пять комиссий в течение года). Необходимо отметить, что в первых комиссиях вообще не было астрономов, а последние предвзято собирали «политические обвинения», оперируя острыми формулировками. Только благодаря академику В. Г. Фесенкову, сделавшему все, чтобы смягчить положение Пулково (и на свой страх и риск исключившего из проекта резолюции по обсерватории политическую сторону), оргвыводов после визита последней комиссии не последовало [14, с. 294].

Но тучи сгущаются над Пулковым. Уже после убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 года в Ленинграде прошла мощная волна репрессий. К октябрю 1936 года эта волна докатилась до Пулково — в течение недели были арестованы ведущие пулковские астрономы: И. А. Балановский (расстрелян в 1937 г.); Н. В. Комендантов (расстрелян в 1937 г.); П. И. Яшнов (умер в тюрьме в 1940 г.) [26, с. 483]. Спустя месяц, в декабре 1936 года, арестована «пулковская молодежь» — Д. И. Еропкин (расстрелян в 1938 г.) [25, с. 240]; Н. А. Козырев (чуть ли не единственный оставшийся в живых и вышедший на свободу только в 1946 г.); зам. директора Н. И. Дне-

провский (расстрелян в 1937 г.) [18, с. 58]; ученый секретарь (расстрелян в 1938 г.) [25, с. 191], астроном Е. Я. Перепелкин (расстрелян в 1938 г.) [26, с. 484]. Люди стали бесследно исчезать, а Герасимович с октября 1936 года регулярно получает выписки из протоколов Президиума АН «об освобождении из состава сотрудников ГАО» [14, с. 41].

Но Борис Петрович не терял присутствия духа: он активно пытался помогать семьям арестованных (в частности, он пытался принять на работу в обсерваторию жену Н. В. Комендантова, над которой висело выселение из Пулково). Более того, Борис Петрович старался сохранять места за арестованными специалистами, по поводу чего в начале 1937 года на директора обсерватории в президиум Академии наук был направлен первый «донос» от заместителя директора ГАО по административно-хозяйственной части Н. И. Фаворского [13, с. 62].

В Пулково отправлена шестая (!) по счету комиссия АН, а тонкий ручеек доносов превращается в широкую реку откровенной лжи. Верхом цинизма можно считать опубликованную в профильном издании, журнале «Мироведение», статью-поклеп В. Т. Тер-Оганезова (характерно, что статья поступила в редакцию 29.07.1937 г., задолго до вынесения приговора Герасимовичу, но в ней уже четко были сформулированы все будущие обвинения; кроме того, наводит на некоторые размышления тот факт, что статья почти полностью повторяет «сообщение» Фаворского [15, с. 294], т. е. получается, что Тер-Оганезову было известно о том, что (и как) зам. директора обсерватории выполнил «свой высокий гражданский долг»). В своем «труде» автор, главный редактор журнала «Мироведение» и член комиссий Академии наук В. Т. Тер-Оганезов даже ни разу не упомянул имени Бориса Петровича,

но того, что он изложил в статье, названием которой служил конкретный лозунг «За искоренение до конца вредительства на астрономическом фронте», хватило бы на вынесение приговора многим: «...Для примера можно остановиться на одном из этих вредителей. Что он из себя представлял? (Нужно обратить внимание на использование времени: приговор еще не вынесен.— *Авт.*) Это бывший эсер, который прикинулся сторонником советской власти... Вспомним его контрреволюционное выступление в Харьковском университете лет десять тому назад, где... он высказал взгляды, которые давали основания считать, что он не является советским человеком. Пробравшись к руководству одного из крупнейших астрономических учреждений в Союзе, свое положение он использовал самым гнусным образом для организации вредительской работы» [30, с. 374]. Далее «обвинитель от науки» припомнит Борису Петровичу многое: и «гарвардскую систему работы», и заграничные командировки; и промахи при организации наблюдений солнечного затмения 1936 года, когда «в течение нескольких лет затрачивается немало средств «на поиски» (мест наблюдений.— *Авт.*), но результатов никаких не видно»; и незаконное увольнение сотрудников: «...в течение последнего года Академией наук было направлено в эту обсерваторию не меньше пяти комиссий... было установлено: в этой обсерватории... выправлена критика и самокритика (!), там имело место подавление научной инициативы сотрудников... было установлено, что директор старался собрать в обсерватории «обвиненных» советскими органами людей и приотпить их около себя... бывший директор открыто консервировал инструменты, на которых работали разоблаченные вредители, и резервировал научные темы, числившиеся за этими людьми» [30, с. 375]. Апогеем обвинения, безусловно, станет «дело Воронова»: «...Вся буффонада с «известным» лжеученым Вороновым, превознесение его до небес, напечатание его дутой и лживой псевдонаучной работы за границей

(журнал *Astronomische Nachrichten*. — *Авт.*) при поддержке тех же вредителей имела своей целью «посильную дискредитацию» советской науки» [30, с. 377].

20 апреля 1937 года Герасимович вторично подает в отставку с поста директора обсерватории, но его прошение опять отклонено общим собранием Академии наук [14, с. 41].

о пересмотре дел Б. П. Герасимовича и других пулковских астрономов и участия в их судьбах. В частности, они писали: «В 1936—1937 гг. в некоторых астрономических учреждениях СССР, а особенно в Главной астрономической обсерватории в Пулкове, были произведены аресты большого числа научных работников. Число активно работающих астрономов у нас

с. 468]. К сожалению, это обращение осталось без ответа и никак не было прокомментировано. Строго говоря, оно уже и несколько запоздало: большая часть из тех, о ком шла речь в обращении, к этому времени по приговорам «выездных троек» Военной Коллегии Верховного Суда СССР были признаны виновными и приговорены к расстрелу с безотлагательным приведением приговора в исполнение.

Арест пулковских астрономов имел огромный резонанс в астрономическом мире, некоторые англоязычные журналы³ писали о проведенных в Советском Союзе арестах астрономов и публиковали списки фамилий (неполные). Еще яснее говорило о сложившейся ситуации в астрономии Советского Союза отсутствие советских делегатов на конгрессе Международного астрономического союза в Стокгольме, Швеция (август 1938 г.) [17, с. 469].

Для американских ученых последней весточкой от Бориса Петровича стала телеграмма, датированная 1 февраля 1937 г., в которой Герасимович, коротко извинившись, извещает коллег о том, что не сможет воспользоваться их приглашением («Sorry regret cannot come») [29, с. 381]. Речь идет о договоренности Доналда Мензела с Борисом Петровичем, состоявшейся во время совместных наблюдений солнечного затмения 1936 года, о чтении Герасимовичем серии лекций в Гарварде. В октябре 1936 года американская сторона (Д. Мензел и Х. Шепли) подтвердили предварительные договоренности, отослав Герасимовичу письменное приглашение, воспользоваться которым Борис Петрович уже не смог [29, с. 381].

Со временем все пулковские астрономы были реабилитированы, их имена вновь возвращены в историю астрономической науки, в частности именем Бориса Петровича Герасимовича (для этого многое было сделано американским астрофизиком Отто Струве) был назван кратер на обратной стороне Луны (1961 г.) [15,

Арест пулковских астрономов имел огромный резонанс в астрономическом мире, некоторые англоязычные журналы писали о проведенных в Советском Союзе арестах астрономов и публиковали списки фамилий

Борис Петрович был арестован утром 28 июня 1937 года (здесь мнения биографов расходятся, называются также даты 29 или 30 июня) в поезде, при его возвращении из Москвы. Он был арестован последним из пулковских астрономов.

Уже после знаменитого доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС (1956 г.) Главной Военной Прокуратурой СССР было проведено расследование обоснованности осуждений по приговорам, вынесенным в 1937 году. Реабилитационные документы проливают свет на трагедию сталинских времен: дата смерти Бориса Петровича Герасимовича (30 ноября 1937 года) совпадает с днем вынесения приговора. Это означало одно — немедленный расстрел...

* * *

В связи с приближавшимся 100-летием Пулковской обсерватории академики С. И. Вавилов и Г. А. Шайн в начале 1939 года в письмах на имя прокурора СССР А. Я. Вышинского ходатайствовали

невелико (80—90 чел.) и поэтому арест большой группы (чел. 20) резко бросается в глаза... Некоторых из осужденных мы знали много лет и нам представлялось, что они были лояльными советскими гражданами... Укажем, например, что Б. П. Герасимович в 1926—1929 гг. был в Америке (длительная командировка и стипендия) и приобрел там столь крепкое научное имя, что получил предложение занять директорский пост на одной из обсерваторий.

Если прибавить, что он был там с женой и детей у него тогда не было, то возвращение характеризует его достаточно хорошо. Один из нижеподписавшихся мог иногда со стороны наблюдать, как Б. П. Герасимович (бывший директор Пулковской обсерватории) принимал иностранных ученых и освещал те или иные явления нашей жизни. Впоследствии можно было прочесть некоторые отзывы этих лиц уже в заграничных изданиях, и в них проглядывает положительное впечатление от нашей страны...» [17,

³ Например «Popular astronomy», vol. 46. — 938. — P. 473.

с. 253], а спустя десять лет — вновь открытой Т. М. Смирновой в Симеизской обсерватории малой планете № 2126 (30.08.1970 г.) было присвоено название «Герасимович» [23].

Воспоминаниями о трудных и трагических судьбах таких сильных личностей, как Борис Петрович Герасимович, мы отдаем свой долг памяти им — не только талантливым ученым или выдающимся историческим деятелям, а просто обычным живым людям, которые жили и работали на бла-

го науки и прогресса в целом, не смотря ни на что. Отто Струве, вспоминая о Борисе Петровиче и настаивая на необходимой объективности и доступности прошлого, писал: «...если я ошибаюсь, то оправданием мне является то непреодолимое сознание ответственности пожилого человека, которую он ощущает, если он

является одним из немногочисленных людей, чья память хранит события и впечатления, которые необходимо знать всем...» [29, с. 379].

на что. Отто Струве,

ЛИТЕРАТУРА

- Абалакин В. К. Памяти Бориса Петровича Герасимовича (1889–1937) // Историко-астрономические исследования. Вып. XXI.— М.: Наука, 1989.— С. 251–252.
- Александров Ю. В. На картах Вселенной // UNIVERSITATES. Наука и просвещение.— 2003.— № 3 (15).— С. 56–59.
- Амбарцумян В. А., Балановский И. А., Белопольский А. А., Герасимович Б. П. и др. Курс астрофизики и звездной астрономии / Под ред. Б. П. Герасимовича. Ч. 1.— Л.: ОНТИ, ГТТИ, 1934.— 342 с.; ч.2.— Л., М.: ОНТИ, Глав ред. общетехн. лит., 1936.— 579 с.
- Vancroft Library, University of California, ID: BANC MMS 67/135c, carton 3, Identity papers of Otto Struve, 39 p.
- Бронштэн В. А. Советская власть и давление на астрономию // Философские исследования.— 1993.— № 3.— С. 207–223.
- Герасимович Б. П. Наркомпрос забыл о Пулковской обсерватории // Правда.— 1934.— 24 мая.
- Герасимович Б. П. Полное солнечное затмение будет видимо в СССР // Правда.— 1934.— 26 мая.
- Герасимович Б. П. О развитии астрономических работ в СССР // Мироведение. Т. XXV.— 1936.— № 6.— С. 1–13.
- Герасимович Б. П. Harvard College Observatory (Обсерватория Гарвардского колледжа) // Русский Астрономический календарь. Вып. XXXIV.— Нижегородск: Нижполиграф, 1931.— С. 144–156.
- Герасимович Б. П. Физика Солнца: В 2 ч.— 2-е изд., перераб. и доп.— Х.: ОНТИ, НКТП, Госуд. научн. изд-во Украины, 1935.— 300 с.
- Гневышев М. Н. Свершения и тревоги Пулкова (страницы воспоминаний) // Историко-астрономические исследования. Вып. XXI.— М.: Наука, 1989.— С. 342–368.
- Государственный архив Харьковской области. Ф.1682, оп.1, ед. хр.169, Л.41; 46; 92.
- Дадаев А. Н. Астроном трагической судьбы (к 100-летию со дня рождения Б. П. Герасимовича) // Проблемы построения координатных систем в астрономии.— Л.: Техническая книга, 1989.— С. 46–65.
- Еремеева А. И. Борис Петрович Герасимович // Земля и Вселенная.— 1989.— № 2.— С. 35–41.
- Еремеева А. И. Жизнь и творчество Бориса Петровича Герасимовича (к 100-летию со дня рождения) // Историко-астрономические исследования. Вып. XXI.— М.: Наука, 1989.— С. 253–301.
- Еремеева А. И. Харлоу Шепли и развитие картины Вселенной (к 100-летию со дня рождения) // Историко-астрономические исследования. Вып. XVIII.— М.: Наука, 1986.— С. 303–316.
- Есаков В. Д. В защиту осужденных астрономов // На рубежах познания Вселенной (Историко-астрономические исследования). Вып. XXII.— М.: Наука, 1990.— С. 467–472.
- Зверев М. С. Николай Иванович Днепровский // Историко-астрономические исследования. Вып. XV.— М.: Наука, 1980.— С. 15–60.
- Колчинский И. Г., Корсунь А. А., Родригес М. Г. Астрономы: биографический справочник.— К.: Наук. думка, 1986.— 510 с.
- Krisciunas Kevin. A Short History of Pulkovo Observatory // Vistas in Astronomy, Vol. 22.— 1978.— P. 27–37.
- Мартынов Д. Я. Пулковская обсерватория в годы 1926–1933 // Историко-астрономические исследования. Вып. XVII.— М.: Наука, 1984.— С. 425–449.
- Невская Н. И. Забытые страницы истории Пулковской обсерватории // Репрессированная наука. Вып. II.— СПб.: Наука, 1994.— С. 140–144.
- Неяченко И. И. Звезда в подарок.— Симферополь: Таврия, 1984.— С. 111.
- Огородников К. Ф. Памяти Б. П. Герасимовича // Развитие методов астрономических исследований. Серия: Проблемы исследований Вселенной.— М.: Л.: Изд-во Всесоюз. астрон.-геодез. о-ва, 1979.— С. 509–515.
- Орлова Н. Б. Максимилиан Максимилианович Мусселиус (1884–1938) и Дмитрий Иванович Еропкин (1908–1938) // На рубежах познания Вселенной (Историко-астрономические исследования). Вып. XXI.— М.: Наука, 1991.— С. 144–244.
- Официальные данные о судьбе пулковских астрономов // На рубежах познания Вселенной (Историко-астрономические исследования). Вып. XXII.— М.: Наука, 1990.— С. 482–490.
- Пальчиков И. Б. Письмо к маме (летняя практика в ТаджАО в 1936 г.) // На рубежах познания Вселенной (Историко-астрономические исследования). Вып. XXI.— М.: Наука, 1991.— С. 456–495.
- Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический словарь (Николай Федорович Бобровников).— М.: Российская политэнциклопедия, 1997.— С. 93–95.
- Struve Otto. About a Russian Astronomer // Sky and Telescope, Vol. 16.— No 8.— 1957.— P. 379–381.
- Тер-Оганезов В. Т. За искоренение до конца вредительства на астрономическом фронте // Мироведение.— Т. XXVI — 1937.— № 6.— С. 373–377.